

УДК 130.2:7 (470)
DOI 10.18101/2306-630X-2019-1-58-67

НАУЧНЫЕ ИСТОКИ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ЛЬВА ГУМИЛЕВА

© Лагойда Наталья Григорьевна

кандидат философских наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: aspdep08@mail.ru

В статье рассматриваются наиболее значимые факты биографии выдающегося русского ученого и мыслителя XX в. Л. Н. Гумилева; охарактеризованы научные истоки и своеобразие его теории, которая была сформулирована на стыке естественных и гуманитарных наук. Особое внимание уделяется изучению социально-философских аспектов концепции этногенеза. Анализируется трактовка Л. Н. Гумилева проблем философии истории, которую в целом он рассматривал как этническую в своей основе. Выясняются научно-теоретические предпосылки и особенности его учения в контексте науки 20-го столетия. Отмечается, что в центре внимания Льва Гумилева находилось раскрытие сущности, причин, механизма, этапов процесса этногенеза, а в качестве исходного (базисного) понятия выступил феномен этноса. Центральной идеей, предложенной ученым для объяснения всего процесса этногенеза, явилось выдвинутое им понятие пассионарности. Несмотря на многочисленные препятствия и трудности, а также долгое игнорирование и замалчивание новых идей Льва Николаевича, научно-философская концепция ученого в постсоветское время получила признание в стране и за рубежом как со стороны исследователей, так и широкой научной общественности.

Ключевые слова: этнос; концепция этногенеза; пассионарность; философия истории; этническая история; исторический материализм.

Для цитирования:

Лагойда Н. Г. Научные истоки и философские аспекты концепции Льва Гумилева // Евразийство и мир. 2019. № 1. С. 58–67.

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) — выдающийся русский ученый-энциклопедист (историк, этнограф, географ). Прежде практически неизвестный широкой аудитории в нашей стране, он за считанные годы после перестройки стал общепризнанным в России и за рубежом научным авторитетом. Сын известных русских поэтов Николая Гумилева и Анны Ахматовой прожил трудную, полную драматизма жизнь.

После окончания школы его как дворянского отпрыска, не имевшего «трудовой биографии», несколько лет не принимали в вуз, а когда, наконец, приняли, то учиться фактически не дали. Его несколько раз арестовывали, а на 4-м курсе был по доносу осужден на 10 лет. Отбывал срок на строительстве Беломорканала, приговаривался к расстрелу. Спасло смещение Ежова и сокращение тюремного заключения до 5 лет. После окончания срока заключения на строительстве Норильского комбината в 1943 г. попросился на фронт, был артиллеристом и

дошел до Берлина. Будучи демобилизованным после окончания войны, за один год окончил два последних курса исторического факультета ЛГУ и, наконец, в возрасте 34 лет получил вузовский диплом. Это было в 1946 г., а спустя два года Л. Н. Гумилев блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме «Подробная политическая история Первого тюркского каганата».

Но дальше молодого талантливого ученого ждали новые трагические испытания. В том же 1948 году как сын Ахматовой, позволивший критические замечания по поводу несправедливости «ждановского» постановления, он, отбывший 5 лет «трудового перевоспитания» в ГУЛАГе, три года провоевавший на фронте Великой Отечественной войны, снова осуждается на 10 лет. И снова жизнь лагерного «зека», — благо, что новый срок пришлось отбывать не на Крайнем Севере, а в Караганде и Омске. Здесь лагерные условия были легче: он был расконвоирован, можно было украдкой читать и писать. После смерти Сталина стало возможным даже получать книги, пользоваться библиотекой. Но окончательное освобождение произошло лишь в 1956 г. в связи с известной амнистией политических заключенных в соответствии с решением ЦК КПСС «О культе личности и преодолении его последствий».

Из лагерей Л. Н. Гумилев привез рукописи нескольких научных статей и двух монографий, одна из которых — «Древние тюрки VI–VIII вв.» — стала его докторской диссертацией по истории, которую он опять же с блеском защитил в 1961 году. Большим вкладом в науку явилась принципиально новая концепция о значимости и самобытности тюркско-монгольской истории и культуры. Он первым в советской науке выступил против господствовавшей тогда европоцентристской «черной легенды» о монголо-татарском иге, об извечной вражде кочевников и земледельцев. На этой основе Гумилев сформулировал доказательную концепцию естественного братства русского народа с народами тюркскими и монгольскими. В итоге ученый по своим идеям оказался не только близким к евразийскому течению русской философской мысли зарубежья, но и, по существу, последним классическим представителем этого направления.

Находясь еще в лагерях ежовско-бериевского ГУЛАГа, Гумилев начал размышлять над основной проблемой всей своей научной жизни — над сущностью и движущими силами этнической истории. Не находя ответа на занимавшие его вопросы в исторической литературе, он обратился к естественно-научным учениям — прежде всего к трудам выдающихся русских геобиокосмистов В. И. Вернадского и А. Л. Чижевского, географов В. А. Анучина, Л. С. Берга, С. В. Калесника, В. В. Покшишевского, Ю. Г. Саушкина и других, показавших огромное влияние природных факторов на историческое развитие человечества.

Для выяснения биологических и генетических механизмов влияния природной среды на развитие человека и человеческих общностей, прежде всего этносов, он изучает классические труды Ч. Дарвина, Т. Гексли, работы русских биологов Н. В. Тимофеева-Ресовского, С. И. Коржинского, Ю. К. Ефремова, К. М. Завадского, М. Е. Лобашева и других, произведения антропологов Г. Ф. Дбеца, М. Г. Левина, Я. Я. Рогинского, труды выдающихся русских физиологов И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Л. А. Орбели.

Именно здесь — в науках о природе и различных природных процессах — нашел ученый начало разгадок на волновавшие его вопросы. Подтверждение же вызревшей у него еще в лагере новой концепции существенного влияния природных факторов на общественное развитие он получил в учениях выдающихся философов XVI–XX вв.: Ж. Бодена, Д. Вико, Ш. Монтескье, И. Гердера, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, Н. Я. Данилевского, В. Дильтея, Г. В. Плеханова, М. Вебера, О. Шпенглера, Б. Рассела, К. Ясперса и др., а также в трудах ученых самых разных специальностей, начиная от физиков и математиков и завершая историками и этнографами. Даже неполный список ученых, чьи идеи и работы Гумилев использовал в своем главном теоретическом труде «Этногенез и биосфера Земли», поражает широтой источниковедческой базы ученого. Среди 245 имен авторов, на которых ссылался здесь Гумилев, значатся: А. Эйнштейн, Э. Шредингер, Н. Винер, У. Росс Эшби, Л. Бергаланфи, А. А. Малиновский, Ф. Ратцель, О. Тьерри, Дж. Фрезер, Э. Тейлор, Л. Морган, А. Тойнби, Н. Конрад, С. М. Широкогоров, Б. Ц. Урланис, С. А. Токарев, Ю. В. Бромлей, Н. Н. Чебоксаров, В. И. Козлов, Ю. И. Семенов, М. И. Артамонов, Ю. П. Аверкиева, С. А. Арутюнов, Р. Ф. Итс, С. И. Брук, А. П. Окладников и многие другие.

И так было дело со всеми трудами Л. Н. Гумилева. Первая опубликованная им монография содержала библиографию, насчитывающую более 120 источников на русском и иностранных (преимущественно немецком) языках. Фундаментальный труд «Древние тюрки» основывался на более 140 литературных источниках, из них половина была на иностранных языках. Сказанное об исключительно богатой источниковедческой базе, на которой основывались труды ученого, относится ко всем написанным сочинениям. Им было опубликовано свыше 200 научных работ, в том числе около 20 монографий и отдельных книг. Издающееся сейчас «Собрание сочинений» ученого предполагается выпустить в 15-ти томах.

Ныне в России и во всем мире известны изданные и переизданные, переведенные на многие иностранные языки фундаментальные исследования Л. Н. Гумилева, один перечень которых свидетельствует о необыкновенной широте его научных интересов и в то же время целеустремленности истинного ученого. Назовем лишь монографические и наиболее известные: Хун-ну. М., 1960; Иакинф (Бичурин). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960; Подвиг Бахдама Чубины. М., 1962; Открытие Хазарии. М., 1966; Древние тюрки. М., 1967; Поиски вымышленного царства. М., 1970; Хунны в Китае. М., 1974; Старобурятская живопись. М., 1975; Этногенез и биосфера Земли. Вып. 1–3. М., 1979; Л., 1989; Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; География этноса в исторический период. Л., 1990; Закон Божий. Л., 1990; Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991; От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992; Этносфера. История людей и история природы. М., 1993; Ритмы Евразии. М., 1993; Из истории Евразии. М., 1993; Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. Многие из этих книг, к сожалению, вышли в свет лишь после смерти ученого.

Несмотря на столь внушительное количество монографий и других научных работ, опубликованных Л. Н. Гумилевым, его новые идеи и концепции стали объектом научного анализа специалистов лишь с конца 60-х — начала 70-х гг., да и то преимущественно в критическом и дискуссионном порядке. Что же касается

огромного научно-теоретического наследия ученого в целом, то оно стало предметом специального изучения лишь с конца 80-х — начала 90-х гг., когда отпали идеологические и политические причины, по которым его новаторские взгляды и концепции либо замалчивались, либо подвергались необъективной критике со стороны некоторых его идейных противников из числа ученых, особенно этнографов и историков. Вместе с тем за 1970–1990-е гг. было издано немало работ, объективно оценивающих научные идеи и труды ученого¹. В целом на сегодняшний день число работ, посвященных жизни, научной деятельности и трудам Л. Н. Гумилева, стало весьма значительным и продолжает увеличиваться. Появились не только книги, но и пока немногочисленные диссертации о его творческой деятельности и вкладе в науку. Примечательно, что хотя и с опозданием, в публикуемых в последние годы трудах по этнологии, истории, географии, философии, а также в соответствующих справочно-энциклопедических изданиях, даже в вузовских учебниках, научному творчеству Л. Н. Гумилева стали посвящаться отдельные рубрики и обстоятельные статьи². Все это дает основание утверждать, что в отечественной науке складывается и, несомненно, будет развиваться специфическое направление, которое условно можно назвать «гумилевоведение».

¹ Белявский В. А. Этнос в древнем мире // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 3; Шенников А. А. О понятии «этнографический комплекс» // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 3; Семеновский Б. Н. Взаимодействие системы «человек — природа» // Природа. 1970. № 8; Дроздов О. А. Этнос и природная среда // Природа. 1970. № 8; Куренной В. Н. Пассионарность и ландшафт // Природа. 1970. № 8; Кузнецов Б. И. Проверка гипотезы Гумилева // Природа. 1971. № 2; Ефремов Ю. К. Важное звено в цепи связей человека с природой // Природа. 1971. № 2; Бородай Ю. М. В поисках этногенного фактора // Природа. 1981. № 4; Его же. Этнические контакты и окружающая среда // Природа. 1981. № 9; Иванов К. П. Взгляды на этнографию, или Есть ли в советской науке два учения об этносе // Известия ВГО. 1985. Т. 117, вып. 3; Машбиц Я. Г., Чистов Н. В. Еще раз к вопросу о двух концепциях этноса // Известия ВГО. 1986. Т. 118, вып. 1; Итс Р. Ф. Несколько слов о книге Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» (предисловие к книге Л. Н. Гумилева). Л., 1989; Чемерисская М. И. О книге Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» // Народы Азии и Африки. 1990. № 4; Лурье Я. С. К истории одной дискуссии // История СССР. 1990. № 4; Грэхэм Л. Р. Гумилев Л. Н. и проблема этнических отношений // Естествознание, философия и наука о человеческом поведении. М., 1991; Янов А. Л. Учение Л. Н. Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17; Крылов А. А. Доваленко М. Я. Проблемы этнической психологии в свете теории этногенеза Гумилева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1996. Вып. 4; Лавров С. Б. Л. Н. Гумилев и евразийство (предисловие) // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993; Чемерисская М. И. Л. Н. Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3; Королева-Коноплянская Г. И. Теория этногенеза Л. Н. Гумилева // Социально-политический журнал. 1994. № 7–8; Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Л. Н. Гумилева // Звезда. 1994. № 10; Сергеева О. А. Гумилев и научные тенденции XX века // Вестник МГУ. Сер. Философия. 1998. № 6.

² Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 4–5; Лурье Я. С. Историческая этнология. М., 1988. С. 38; Арутюнян Ю. В., Дробишева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учебник. М., 1999. С. 33; Сифаненко Т. Этнопсихология: учебник. М., 1999. С. 29–30; Садохин А. П. Этнология: учебник. М., 2000. С. 124–130; и др.

Чем же объясняется такое возрастающее внимание к личности и творчеству Л. Н. Гумилева? Кем он был в науке? Что характерно для него как творческой личности? На эти и другие вопросы пытается ответить автор предлагаемой статьи и ряда других статей и монографии о Л. Н. Гумилеве¹.

Ныне хорошо известно, что Л. Н. Гумилев принадлежал к той плеяде выдающихся представителей науки XX в., чьи познания и научную деятельность можно охарактеризовать как энциклопедизм. В мировой науке это явление при всей его исключительности не так уж и редкое. Если иметь в виду западноевропейскую науку трех последних столетий, то в качестве примера можно было бы назвать имена Г. Гельмгольца, А. и В. Гумбольдтов, Х. Гюйгенса, П. Лапласа, И. Ньютона и других, а также философов-энциклопедистов Р. Декарта, Г. Гегеля, И. Канта, Г. Спенсера и др. В России XVII–XX вв. крупнейшими учеными-энциклопедистами были М. В. Ломоносов, Д. Н. Анучин, Л. С. Берг, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский и др. К числу этих выдающихся ученых также, несомненно, принадлежал академик Н. Н. Моисеев.

Л. Н. Гумилев, если иметь в виду вышесказанное, работал в области различных наук — истории, географии, этнологии, психологии, языкознания, философии. Точнее — в области первых трех, так как был доктором исторических и доктором географических наук. Поскольку главным предметом его научных изысканий были этнос и этногенез, это обусловило специфику и методологию его исследовательской практики. Л. Н. Гумилев занимался новым для его времени — междисциплинарным — изучением этнической истории. Опираясь на философию диалектического и исторического материализма как всеобщую методологию (в то время она была господствующей в советской науке), Л. Н. Гумилев одновременно считал необходимым применять в области гуманитарного, в частности исторического и этнографического, познания некоторые представления и приемы естествознания². С этих позиций, например, он пытался ввести свое понимание этнологии как естественной науки, рассматривая ее как синтез исторической географии и палеоэтнографии. Более того, не отрицая гуманитарного характера исторической науки, он в то же время отмечал ее дуалистический характер, полагая, что в определенном аспекте (как наука о человеке, являющемся не только членом общества, но и этноса, следовательно, сопричастным с биосферой) она в этом смысле является наукой естественной. И вообще, имея собственный взгляд на науку новейшего времени как синтез гуманитарного и естественнонаучного знания, он большое внимание уделял таким интегральным научным дисциплинам, как историческая география, этническая история, палеоэтнография, историческая и этническая психология и т. п.

¹ Затеев В. И., Лагойда Н. Г. Лев Николаевич Гумилев как ученый и философ: теория этноса и этногенеза, ее социально-философские аспекты и научные истоки. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 192 с.; Лагойда Н. Г. Научно-теоретическое творчество Л. Н. Гумилева в контексте современной науки // Вестник Бурятского госуниверситета. 2018. № 3, Т. 4. С. 73–79.

² Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 4–5; Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1988. С. 38; Арутюнян Ю. В., Дробишева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учебник. М., 1999. С. 33; Сифаненко Т. Этнопсихология: учебник. М., 1999. С. 29–30; Садохин А. П. Этнология: учебник. М., 2000. С. 124–130; и др.

Но дело не только в энциклопедизме ученого (кроме гуманитарных наук он привлекал данные многих естественно-научных дисциплин — биологии, генетики, геохимии, географии, космологии, астрофизики, кибернетики) и интегрализме его научной методологии. Л. Н. Гумилев был не просто многосторонний ученый («этно-био-географо-историк»), а ученый-философ, причем, как мы сейчас создаем, самобытный отечественный мыслитель, внесший оригинальный вклад в философию истории (историософию), которая сейчас в нашей стране разрабатывается весьма интенсивно.

Л. Н. Гумилеву как мыслителю, теоретику, философу в последние годы некоторые академические философские издания (типа философских энциклопедий и словарей) посвящают специальные статьи, в которых он характеризуется как крупный отечественный философ-ученый второй половины XX в.¹

К сожалению, обстоятельное изучение огромного научного наследия Л. Н. Гумилева под философским углом зрения до сих пор ведется с явной осторожностью (вероятно, исследователей сдерживает неординарность теоретических концепций мыслителя, известная противоречивость его взглядов и высказываний, а также «инерция» негативных оценок, которые щедро выносились его оппонентами в прошлом по поводу его неординарного учения). И все же названная исследовательская работа, хотя и с опозданием, началась как на монографическом, так и на диссертационном уровне².

Подведем итоги проведенного нами исследования научно-философского творчества Льва Николаевича. Л. Н. Гумилев — колоритная и во многом знаковая в отечественной науке второй половины XX в. личность ученого-мыслителя. Он достойно продолжил богатые традиции русской науки. Только в последнем столетии образовалась целая плеяда выдающихся ученых — К. А. Тимирязев, И. П. Павлов, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, Н. И. Вавилов, А. И. Берг, Л. П. Капица, Н. Н. Моисеев и многие другие, чьи идеи и теории существенно обогатили не только науку, но и философско-теоретическую мысль новейшего времени.

Несмотря на многочисленные препятствия и трудности, которые с избытком встречались на жизненном пути молодого Гумилева в эпоху советского тоталитаризма, а также долгое игнорирование и замалчивание его новых идей, научно-философская концепция ученого в постсоветское время получила поистине триумфальное признание в стране и за рубежом как со стороны непредвзято мыслящих исследователей, так и широкой научной общественности.

¹ Историки России XVIII–XX веков. М. 1995. Вып. 2. С. 156–166; Философия России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. Изд. 2-е. М., 1995. С. 164–165; Русская философия. Словарь / под ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 124–126; Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. М., 1997. С. 69; Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. Минск, 1999.

² Ищенко Е. Н. Развитие евразийской традиции в трудах Л. Н. Гумилева и современном евразийстве: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004; Киркин М. А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л. Н. Гумилева: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011; Лагойда Н. Г. Социально-философские аспекты концепции этногенеза Л. Н. Гумилева: дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 1998.

Главное направление целеустремленных и весьма разносторонних научных изысканий Л. Н. Гумилева — объяснение сущности этноса, этногенеза, вековых «загадок» всемирной истории. Все это, казалось бы, имело узко специальный характер. Однако ученый сумел прозорливо понять ключевое значение решения этих проблем для выяснения коренных вопросов обществознания и мировой истории человечества. Именно поэтому к рассмотрению данных проблем он подошел не с узкодисциплинарных (хотя и очень специализированных), а с широких междисциплинарных методологических позиций. В этих целях он профессионально изучил историю, географию, этнографию, целый ряд других естественных и гуманитарных наук, поражая огромной эрудицией не только своих читателей, но и самых маститых ученых, некоторые из которых были критиками его взглядов. Подобный фундаментальный подход к решению сложнейших проблем, лежащих на стыке различных наук, потребовал от ученого неординарного методологического подхода к исследованию, решительного отказа от устаревших научных парадигм и применения новых принципов постнеклассической науки в познании.

Все это Л. Н. Гумилев блестяще продемонстрировал в своих оригинальных, особенно теоретических, трудах, в которых попытался разрешить труднейшие проблемы многовековой истории человечества. Парадоксальная по содержанию и подчеркнута неакадемическая по способу изложения философско-историческая концепция ученого была изложена им в его главном теоретическом труде — трактате «Этногенез и биосфера Земли». Здесь им были принципиально по-новому освещены многие проблемы науки об этносе и этногенезе, соотношении природных и социальных факторов общественной жизни, закономерностях и тенденциях всемирной истории, а также выдвинут целый ряд новых методологических принципов в понимании этих и других сложнейших проблем.

В центре внимания Л. Н. Гумилева (практически всех его многочисленных книг) находилось раскрытие сущности, причин, механизма, этапов процесса этногенеза, а в качестве исходного (базисного) понятия выступил феномен этноса. Подходя к выяснению его сущности многоаспектно, ученый сосредоточил внимание на двух основных его сторонах. С одной стороны, он исходил из того, что этнос несомненно выступает как социокультурная общность. С другой стороны, он является формой внутренней дифференциации вида *Homo sapiens* в зависимости от географических условий своего бытия и хозяйственной деятельности людей.

Исходя из этого, этногенез определялся Л. Н. Гумилевым как локальный вариант внутривидового формообразовательного процесса развития человечества, обусловленного сочетанием исторического и географического (ландшафтного) факторов. Центральной идеей Л. Н. Гумилева для объяснения всего процесса этногенеза явилось выдвинутое им понятие пассионарности, которую ученый характеризовал как эвристический по своему значению «фактор икс», с помощью которого (несмотря на его рационально не объясненный наукой характер) можно раскрыть сложнейшие, чрезвычайно запутанные проблемы мировой истории. Постановка Л. Н. Гумилевым в своей концепции этногенеза идеи пассионарности в качестве ключевой послужила основанием для некоторых ученых назвать его

концепцию «пассионарной». Вместе с тем, несмотря на парадоксальный характер этой концепции, и настойчивые попытки ученого подвести под нее научную и фактологическую основу, доказывающую ее истинность, она до сих пор остается недостаточно разработанной и пока еще достоверно не подтвержденной наукой частью его теории, остающейся во многих своих положениях гипотетической.

Безусловно, плодотворными были попытки Л. Н. Гумилева по-новому методологически подойти к решению ряда проблем, традиционно считавшихся социально-историческими. На примере исследования сущности этноса он стремился связать социальное и природное в единый ряд развития. В частности, ставил задачу преодолеть понимание исторического как «надприродного» посредством рассмотрения истории в контексте географических процессов, указывал на возможность историко-географических закономерностей. В итоге ученый выдвинул задачу преодоления возникшего в XIX, особенно XX, веке тенденцию отрыва (даже противопоставления) естественных и гуманитарных наук. В условиях современного этапа научного познания эти идеи Л. Н. Гумилева приобрели исключительную актуальность.

Несомненно также заслуживающими внимания были идеи Л. Н. Гумилева о сведении различия между естественнонаучным и гуманитарным знаниями к различию в степени достоверности, к необходимости ориентации гуманитариев на исследовательские стандарты и понятийный аппарат естественных наук. При этом ученый прекрасно понимал и подчеркивал специфику и несводимость друг к другу естественнонаучного и гуманитарного знаний, выступал против отождествления их методов.

Совершенно особым было отношение Л. Н. Гумилева к историческому материализму. Скорее, в силу идеологических традиций советского времени он никогда не выступал в своих работах против принципов материалистического понимания истории, хотя, как правило, и не применял их в своих исследованиях. В то же время он не уклонялся формулировать некоторые положения своей теоретической концепции таким образом, что они нередко существенно расходились с положениями марксистской теории общественного развития. Самый яркий пример — опять же рассмотрение этноса не как социально-исторической, а природной категории.

В своих работах Л. Н. Гумилев подчеркивал принципиальную «мозаичность» человечества и с этих позиций решительно отвергал европоцентрическое разделение народов на исторические и неисторические, передовые и отсталые. Он был одним из первых в советской науке, кто смело пошел на пересмотр традиционных исторических стереотипов относительно извечной враждебности тюркских народов славянскому миру, абсолютно негативной роли монгольских завоеваний и т. д.

Весьма своеобразной была трактовка Л. Н. Гумилевым проблем философии истории, которую в целом он рассматривал как этническую в своей основе, то есть как историю возникновения, соперничества и взаимодействия этносов — процесса, в ходе которого одни этносы рождаются, расцветают и умирают, а на смену им приходят новые, более молодые и жизнеспособные.

Особый интерес ученого-мыслителя всегда привлекали «вековые» и, казалось бы, неразрешимые загадки науки, в частности, проблемы о сущности и причинах экстраординарных явлений и событий мировой истории. Л. Н. Гумилев считал, что длительная нерешаемость их наукой связана с тем, что последняя фактически остановилась на истинах, кажущихся непреложными и абсолютно бесспорными. Таким образом, по его мнению, обстояло дело и в понимании сущности этноса, а также причин этногенеза. Надо отдать должное Л. Н. Гумилеву, что в решении данных проблем он смело пошел своим, неординарным путем. Причем сразу же натолкнулся на объективные обстоятельства и субъективные причины, которые потребовали от него не только упорства и воли, но прежде всего колоссального исследовательского труда, целеустремленности и последовательности в достижении цели.

Сегодня теория этногенеза, предложенная Л. Н. Гумилевым, вызывает всеобщий интерес со стороны ученых, всей научной общественности и требует пристального внимания, объективного, непредвзятого изучения проблем, которые ею поставлены. Правомерно предположить, что в области современного гуманитарного познания, в частности, в решении еще не решенных «загадок» мировой истории, наступило время для выдвижения новых научных идей (взамен привычных, но устаревших), но для их апробирования следует применять не традиционные подходы и приемы, а предложенный величайшим физиком XX в. Нильсом Бором гениальный критерий: достаточно ли они «безумны». Известный советский кибернетик академик А. И. Берг, говоря об особенностях развития современной (постнеклассической) науки, отмечал, что в ее различных областях (особенно естествознании) «возникали и еще долго будут возникать «безумные» идеи, ибо для их развития необходимы скачки. Простое приращение и даже совершенствование старых истин здесь уже ничего не даст. Попытки эволюционного развития науки здесь приводят к застою: и для того чтобы двинуться дальше, в таких случаях необходимо перепрыгнуть через препятствие или разрушить его».

Во второй половине завершающегося XX в., как уже отмечалось, происходит усугубляющееся сближение (не слияние и не редукция) наук о природе и наук об обществе — прежде всего в их методологии, о чем свидетельствует расширяющееся применение математических, кибернетических, синергетических и других методов не только в естественном, но и социально-гуманитарном знании. Сказанное позволяет утверждать, что Л. Н. Гумилев, тонко уловив эту тенденцию развития современной науки, смело и настойчиво отстаивал правомерность новых методов научного познания.

Обращение к богатейшему творческому наследию русского ученого-мыслителя XX в. имеет очень важное значение, так как способствует уяснению необходимости кардинальных перемен в научном познании в новом XXI в.

Литература

1. Затеев В. И., Лагойда Н. Г. Лев Николаевич Гумилев как ученый и философ. Теория этноса и этногенеза, ее социально-философские аспекты и научные истоки. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 192 с.

2. Ищенко Е. Н. Развитие евразийской традиции трудах Л. Н. Гумилева и современном евразийстве: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 151 с.

3. Игошева М. А. Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1998. 163 с.

4. Киркин М. А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л. Н. Гумилева: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 191 с.

5. Лагойда Н. Г. Социально-философские аспекты концепции этногенеза Л. Н. Гумилева: дис. канд. филос. наук. Улан-Удэ, 1998. 161 с.

6. Лагойда Н. Г. Научно-теоретическое творчество Л. Н. Гумилева в контексте современной науки // Вестник Бурятского госуниверситета. 2018. Т. 4, № 3. С. 73–79.

SCIENTIFIC BACKGROUND AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF LEV GUMILYOV'S CONCEPT

Natalya G. Lagoyda

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof.,

Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: aspdep07@mail.ru

The article discusses the most significant facts of the biography of an outstanding Russian scientist and thinker of the 20th century Lev N. Gumilyov, characterizes the scientific background and originality of his theory, which was formulated at the intersection of natural and human sciences. Special attention is paid to the study of socio-philosophical aspects of the concept of ethnogenesis. We analyze Lev N. Gumilyov's interpretation of the problems of philosophy of history, which he considered to be essentially ethnic, the theoretical background and peculiarities of his doctrine in the context of 20th-century science. It is noted that Lev Gumilyov focused his attention on the disclosure of the essence, causes, mechanism, and stages of the process of ethnogenesis; the phenomenon of the ethnos was the initial (basic) concept. The central idea proposed by the scientist to explain the whole process of ethnogenesis was the concept of passionarity. Despite numerous obstacles and difficulties, as well as long ignoring of new Lev N. Gumilyov's ideas, his scientific and philosophical concept received recognition in the post-Soviet period in Russia and abroad both from researchers and broader scientific community.

Keywords: ethnos; the concept of ethnogenesis; passionarity; philosophy of history; ethnic history; historical materialism.